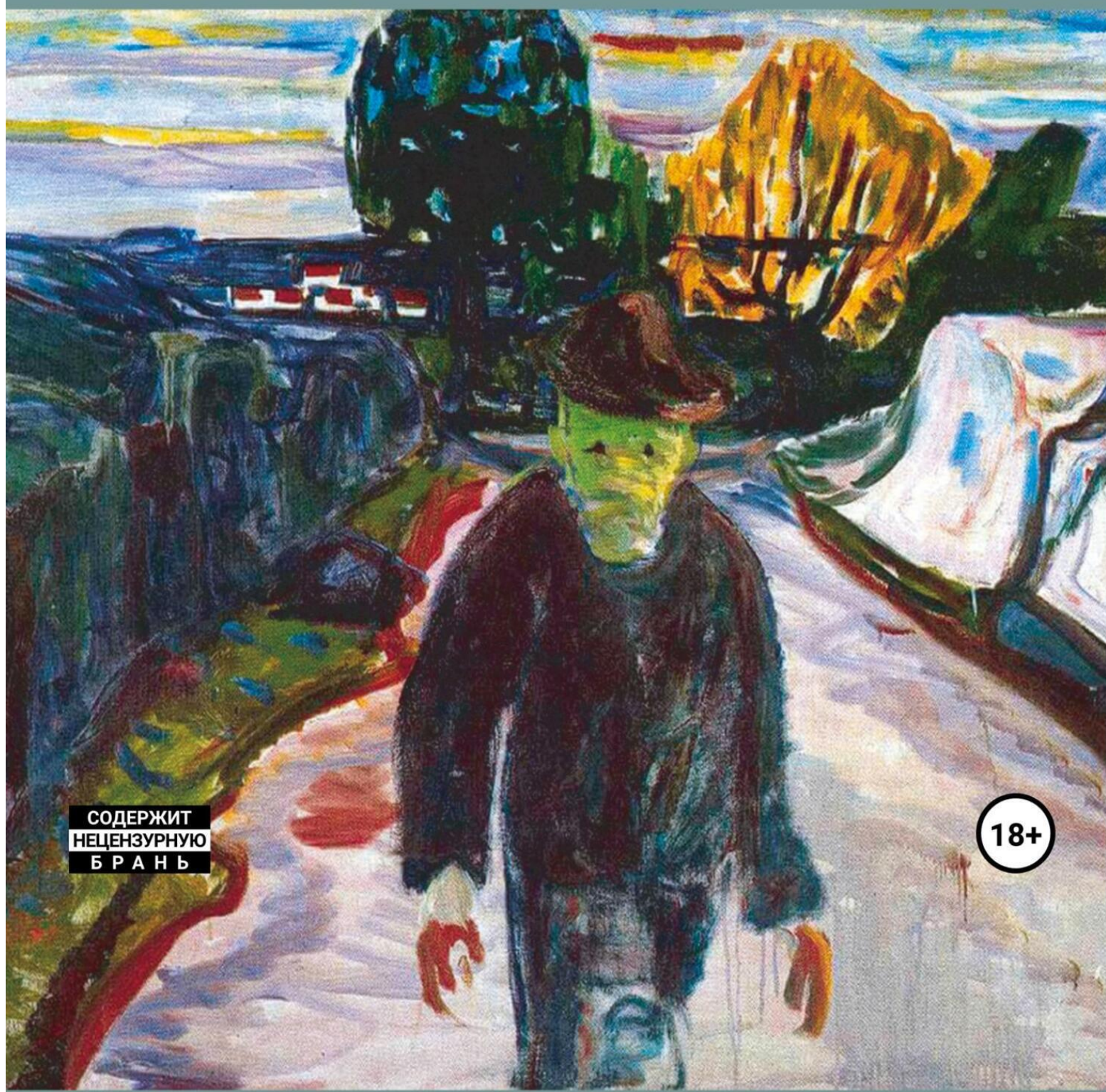

OLEG СУХОНИН

OLEG СУХОНИН

*Змея, мотающая
свой хвост*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Сухонин

Змея, глотающая свой хвост

«Автор»

2019

Олег Сухонин

Змея, глотающая свой хвост / Олег Сухонин — «Автор», 2019

Вторая книга трилогии, начатой повестью "Головы уже нет, а курица ещё бежит". Вляпаться в историю очень легко, а вот выбраться из неё порой невозможно. И вот уже дружба под пытками грозит обернуться предательством, жизнь - смертью, а любовь и тяга к прекрасному - рабской зависимостью от искусственного интеллекта... И невидимый питон неумолимо всё сильнее сжимает свои кольца... На обложке картина Эдварда Мунка "Убийца". Содержит нецензурную брань.

© Олег Сухонин, 2019

© Автор, 2019

Содержание

ПРОБУЖДЕНИЕ	5
ВСПОМНИТЬ ВСЁ	6
И ЛЕНИН ТАКОЙ МОЛОДОЙ...	8
ДОЧКИ-МАТЕРИ	12
КИНО, ВИНО И ОРХИДЕИ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Олег Сухонин

Змея, глотающая свой хвост

ПРОБУЖДЕНИЕ

Едва очнулся и чуть приподнял веки – тут же с силой сомкнул их: глаза резанул яркий свет, в затылок словно ковш расплавленного свинца влили, голова раскалывалась, темя было влажным – видимо, сочилась кровь.

Не мог пошевелить ни руками, ни ногами – они словно онемели.

Огромным усилием воли всё же открыл глаза и, как мог, скосил их на себя. Увиденное обескуражило: ноги и руки мои были привязаны к столу, на котором я лежал. «Что такое? Где я?» – пытался собрать мысли в кучку. Меня мучило, к горлу подступала тошнота.

Повернул голову вправо и, если бы не был привязан, точно бы свалился со стола от ужаса: в паре метров от меня в прозрачной ванне или огромном аквариуме погружённая в какую-то голубоватую жидкость лежала голая утопленница.

«Мне снится кошмар, надо проснуться», – решил я, с силой зажмурил и снова раскрыл глаза: утопленница в аквариуме не исчезала. Я внимательнее посмотрел на неё – она вся распухла, на теле отчётливо виднелись колотые раны.

– Где я?! Помогите! – в голос простонал я.

Послышались шаги, надо мной склонился рыжеватый лохмато-бородатый мужик в очках и халате.

– Очнулся, убивец? Ты чего тут натворил, душегуб? – затараторил он надо мной. – За что, гад, девчонку зарезал? Колись, уродец! Сейчас ты мне всё расскажешь, иначе я тебя по кускам кромсать буду!

– Э-э-э, – пытался возразить я, но язык не слушался. Я и сам не мог объяснить значения этого своего «э-э»: в него было вложено сразу и «я не понимаю, о чём ты», и «убери яркий свет – глаза режет», и «что это за баба в аквариуме?», и «кто ты такой, чёрт возьми?!», и «мне писать очень хочется».

Но бородач только поморщился. В его руках появился какой-то агрегат, он нажал кнопку, заскрежетала фреза. Поднеся жужжащую пилу к моему лицу, он заорал:

– Говори, откуда у тебя ключ от моей лаборатории?! Где ты его взял?!

– Что?! А-а-а-а-а!!! Где я?! – в ужасе возопил я и снова отключился.

Когда вновь открыл глаза, увидел, что рыжий колет мою руку шприцем.

– Что, очухался, мерзавец? Ты не думай – я от тебя не отстану! – бубнил он надо мной. – По сантиметру буду тебя резать, но ты мне всё расскажешь! До подробностей! До мельчайших!

Он вколол мне в вену какую-то жидкость, и скоро я почувствовал, как размякаю.

– Полежи чуток, пока я тут прибору. И начнём делать тебе инквизицию! – сказал бородач и удалился.

К охмутившему меня от укола дурману густо примешивались плотные пары хлорки, формалина и ядрёных дезодорантов, от которых в спёртом воздухе комнаты можно было хоть топор вешать.

Я ещё раз повернул голову вправо. Мне привиделось, будто соседка-утопленница ладонью манит меня к себе в аквариум. Попытался что-то ей возразить, но не сумел: непослушные веки сложились сами собой, голову захлестнуло мутным прибором, и сознание пустилось вплавать по волнам моей памяти.

ВСПОМНИТЬ ВСЁ

События одно за другим всплывали передо мной, складываясь в целостную картину.

Я вспомнил, как в прошлую субботу ко мне домой в Нижнем Новгороде ни свет ни заря вломился мой приятель Игорь Скромный. Он рассказал мне о своих похождениях во время командировки на всероссийской конференции журналистов в гостиничном комплексе «Древо Хитрово» в Ульяновске. Повадал, как познакомился там с симпатичной администраторшей отеля Эльвирой Улябиной, поселившей его за кэш во временно пустующем помещении, где некий неведомый учёный создавал биороботов: красавиц для сексуальных развлечений и двойников политиков и бизнесменов.

Там Скромный оказался невольным свидетелем убийства Эльвиры, совершённого одной из таких биокукол, как две капли воды похожей на известную модель Наталью Водянову, и сам чуть не стал её жертвой. Обороняясь, он отсёк андроиду голову и в панике бежал из отеля и Ульяновска, оставив в запёртом номере труп Улябиной и куклу Водяновой без головы. Ко мне домой Игорь примчался в полной уверенности, что его уже разыскивает полиция, подозревая в убийстве Эльвиры. Попросив убежища в моей квартире, Гоша Скромный, давя на дружбу, уговорил меня съездить в Ульяновск и на месте посмотреть: действительно ли его считают преступником и хотят арестовать (в таком случае, чтобы избежать тюрьмы, он готов был попытаться рвануть за границу), или же зря он поддался панике и никакой опасности для него нет?

Кроме того, выяснилось, что во время той журналистской конференции в Ульяновске рядом с «Древом Хитрово», возле частного отеля «Золото партии» был убит чиновник нижегородской администрации по связям с прессой Евгений Тараканов. Скромный утверждал, что к этому убийству он не имел никакого отношения, но подозревает в нём хозяина биоробота Водяновой, которому не понравились сексуальные домогательства Тараканова к его кукле.

Поддавшись на уговоры и мольбы, я пообещал Игорю помочь разобраться в этой запутанной истории и отправился на место событий – в Ульяновск, в отель «Древо Хитрово».

Купив билеты на проходящий через родину Ленина поезд «Санкт-Петербург – Уфа», прежде чем повторить маршрут Скромного, я попросил его нарисовать подробную схему расположения помещений в «Древе Хитрово», где произошли описанные им ужасные события. Гоша вручил мне и ключ от той самой комнаты, в которой загадочный учёный проводил свои исследования и создавал биороботов и где была убита Эльвира Улябина, а кукла Водяновой осталась без головы.

В понедельник, уже перед самым отъездом, я припомнил, что на ульяновском телевидении когда-то работал мой давний сокурсник по филфаку Нижегородского университета Мишка Моргунов. В студенческие годы мы с ним вместе увлекались классической восточной поэзией и соревновались в количестве выученных иностранных языков. Я разыскал его телефон, позвонил – оказалось, что он до сих пор работает на местном телевидении режиссёром. Я сообщил ему, что собираюсь в Ульяновск по делам, и предложил встретиться. Михаил ответил, что будет рад повидаться. Договорились: как приеду во вторник утром – заскочу к нему на работу.

Итак – в путь! Я попросил Скромного не высовываться без нужды из моей квартиры, пообещав ежедневно звонить на домашний телефон и держать в курсе всего, что удастся разузнать. Мы обнялись на прощанье, он в очередной раз рассыпался в благодарностях за то, что я приютил его и согласился помочь. Я ещё раз посоветовал ему не накручивать себя раньше времени и не паниковать: мол, не так страшен чёрт, как его малюют, может, всё и обойдётся!

И вот я на Московском вокзале, сажусь в прицепной вагон и оказываюсь в купе единственным пассажиром. И так – всю дорогу до самого Ульяновска... Вспомнив рассказы Гоши: с какими злоключениями добирался он поездом до города Ленина, про его пьянку с урками, пропажу документов и последовавшие за этим невероятные события, – я было засомневался в

правдивости его фантастической истории, настолько обыденной и даже скучной выдалась моя поездка.

Но одно воспоминание о предъявленной мне Игорем голове куклы Водяновой заставляло отбросить все сомнения и настраиваться на серьёзный лад. Я ощущал нервный зуд в предвкушении своего грядущего расследования и предстоящих приключений. Представлял картину, как войду в заветную комнату на место преступления, увижу окровавленные трупы, обезглавленные туловища и, конечно же, так красочно описанные Гошей куклы обнажённых Моника Беллуччи, Шарлиз Терон и других невиданных и неведомых мне красавиц. Это будоражило не меньше риска и возможных опасностей.

Пользуясь своим одиночеством в купе, тем, что мне никто не мешал, я набросал план своих действий в Ульяновске. По сути мне нужно было получить ответы на три основных вопроса. В первую очередь, чтобы понять – ищет ли полиция Скромного, необходимо выяснить: нашли ли труп Эльвиры Улябиной, и если да – кого считают убийцей? И вообще – точно ли она была убита, а не тяжело ранена? Во-вторых, меня интересовало, кто и зачем убил чиновника Тараканова и не связано ли его убийство с первым преступлением? Наконец, меня съело любопытство, что это за секретный учёный-разработчик биороботов работает по частным заказам в Ульяновске и почему именно в «Древе Хитрово»? И, конечно же, не терпелось самому увидеть описанных Игорем кукол.

По приезду в Ульяновск первым делом я решил разведать у своего приятеля Миши Моргунова общую обстановку после прошедшей журналистской конференции. Выпытать, какие ходят версии и слухи. Потом – под видом туриста поселиться в отеле «Древо Хитрово» и проникнуть в таинственную комнату, где по рассказам Гоши разыгрались ужасные события.

До города Ленина я добрался без приключений, позавтракал в привокзальном кафе, возможно в том самом, где неделю назад после пропажи документов опохмелялся Скромный. Впрочем, музыканта, расппевающего возле вокзала песни «Гражданской обороны», я не увидел.

Набрав по мобильному Моргунова, я услышал, что он уже едет на работу, и мы можем там встретиться. Сев в такси, назвал водителю адрес – проспект Нариманова, 62 – и довольно скоро был на месте.

И ЛЕНИН ТАКОЙ МОЛОДОЙ...

Михаила поначалу я не узнал: с последней нашей встречи – а это было с десяток лет назад – он заметно поправился, полысел, отрастил усы и бородку.

– Дружище, – сказал я ему, пожимая руку, – ты стал вылитый Владимир Ильич в период НЭПа!

– Место жительства обязывает, – отшутился он и, чтобы не оформлять мне пропуск на телестудию, предложил пойти поболтать в ближайшее кафе.

– Как тебе тут живется? – спросил я, как только мы уселись за столик и заказали по чашечке кофе.

– Да, как говорится, осел, прикипел к месту. Женился, двое детей. Практически коренной ульяновец, – как-то безрадостно скороговоркой выпалил он.

– Чем занимаешься? Помню, на Горьковском ТВ ты начинал ассистентом у Юрия Борисыча Беспалова, учителя Сокурова, документалистикой грезил. Удаётся что-то серьёзное снимать?

– Какое тут! – отмахнулся он. – Что ты хочешь?! Здесь обычное провинциальное телевидение. Весь эфир – пять передач: новости, официоз да реклама. Света Дубровина, кстати, режиссёром здесь на радио работает. Помнишь такую? Она Горьковскую консерваторию заканчивала, ты там тоже по классу гитары подвизался.

– Что-то смутно, – ответил я. – Если только визуально увижу и вспомню. Я же там всего полгода проучился...

– Ну, а кино – что кино? – продолжал Михаил. – Связи с друзьями-документалистами стараюсь не терять, постоянно переписываемся. Как хобби, конечно, продолжаю снимать для себя. Киноклуб здесь организовали. Проводим небольшие фестивали, кинопоказы, лектории. Со вчерашнего дня как раз запустили по городу ретроспективу фильмов Масленникова и Балабанова. В общем – живём, стараемся не тужить! А тебя что к нам привело?

Я был готов к такому вопросу, заранее придумал для себя легенду и потому уверенно отвечал:

– На прошлой неделе здесь проходила крупная журналистская конференция. Нижегородская делегация привезла с неё кучу призов, а вот один из участников не вернулся: чиновника нашей администрации здесь убили. Это было в новостях. Я иногда подрабатываю фрилансом, один бульварный таблоид заказал мне статью на эту тему, как говорится, с места событий. Деньги предложили неплохие, я и решил – почему бы нет? Вот и приехал.

– Я слышал эту историю, – кивнул Михаил. – Мы работали на той конференции. Наши ребята снимали все основные мероприятия, церемонию награждения, а я монтировал сюжеты. У вас там, кстати, один нижегородский журналист хорошо под гитару пел...

– Это мой знакомый – Игорь Скромный. Мы с ним по молодости в ансамбле вместе играли, – ответил я.

– А я чувствую – лицо-то вроде знакомое! Где-то видел, но вспомнить не мог! – воскликнул Моргунов.

– Примерно, как и я твою Свету Дубровину, – поддакнул я.

– А что касается убийства, – продолжал мой приятель, – то у нас в новостях тоже проходила информация. Давай-ка мы поступим так: есть у нас классный криминальный репортёр – Васька. Я её сегодня видел с утра на работе – после ночного дежурства. Сейчас я ей позвоню: если ещё не уехала домой отсыпаться, она тебе лучше про это расскажет.

– Ты сказал Васька... и – ей? – удивился я.

– На самом деле её Васса зовут. Это мы между собой её Васькой кличем, – добродушно улыбнулся Моргунов.

Он позвонил, уехать домой женщина ещё не успела, и уже минут через десять за наш столик подседа не выспавшаяся усталая худая блондинка неопределённого возраста.

– Будете кофе? – предложил я ей после того, как Михаил представил нас друг другу.

– Нет, – помотала она головой, сморщив губы. – Я его за ночь столько вылакала, чтобы не уснуть! Лучше чай – чёрный крепкий.

Пока она пила горячий чай с конфетами, я ещё раз повторил легенду, только что рассказанную Моргунову, и спросил: нет ли у неё каких-либо подробностей по истории с убийством Тараканова?

– Как-то странно это, – отвечала мне сонная Васса, поедая шоколадные конфеты.

– Что странно? – не понял я.

– То странно, что у вас в Нижнем у самих за две недели погибли сразу три журналиста, и к вашему региону сейчас приковано особое внимание, а вы в это время приехали сюда из-за одного чиновника, – пояснила она. – Мы отслеживаем ситуацию в других регионах Поволжья. И что же? – продолжала Васса, открывая записную книжку. – 12 июля в пруду на Бору утонул обозреватель Олег Папилов, работавший в правительственной газете «Нижегородская правда». 23 июля было найдено тело тележурналиста ГТРК «Нижний Новгород» Дениса Суворова, забитого насмерть камнем его приятелем, с которым у него были политические разногласия по работе телеканала. А 31 июля полиция обнаружила в Нижнем Новгороде тело московского корреспондента «Аргументов и фактов» Сергея Грачёва, приехавшего к вам в командировку на кинофестиваль «Горький fest». По предварительным данным он умер от передоза и был закопан своим знакомым в лесополосе за городом. Вот такая криминальная хроника у вас в Нижнем – истинный рай для прессы! А вы приехали к нам в Ульяновск из-за одного зарезанного Тараканова!

Миша Моргунов вопросительно посмотрел на меня.

– Олега Папилова я знал лично, – словно оправдываясь, сказал я. – Хороший был мужик. Говорят, они выпивали в жару после поминок друга, а потом полезли в воду купаться...

Я постарался взять себя в руки и уже не так виновато продолжил:

– Вы же понимаете, что все эти случаи и так сейчас обмусоливают журналисты в самом Нижнем. Но убийство чиновника – факт в своём роде тоже резонансный. Вот я и приехал сюда за эксклюзивом.

– Да нет там никакого особого эксклюзива, – устало вздохнула Васса. – Всё банально просто. Этот ваш Тараканов на банкете в «Хитрово» перед закрытием конференции сцепился с московским медиамагнатом Брильяновым: какую-то девку пьяными не поделили. Это происходило у всех на глазах. Все видели, как Брильянов выволок Тараканова из зала. Поэтому сначала он и попал под подозрение. Но в «Хитрово» в вестибюле и на выходе из отеля установлены видеокамеры. Полиция просмотрела записи – и подозрения с Брильянова сняли. Когда он вывел Тараканова на воздух, они сначала потолкались, помяли друг друга. Потом помирились, вернулись в отель выпить мировую. Уселись в лобби-баре и пьянствовали часа три. Так назююкались, что Брильянов отключился, и персоналу пришлось волоком тащить его в номер. А ваш Тараканов разместился со своей помощницей в соседнем частном отеле «Золото партии» и в стельку пьяный ночью поплёлся туда. По дороге его и прирезали. Сейчас у полиции две версии. Либо это простой криминальный разбой, поскольку денег в карманах убитого не оказалось. Либо – убийство на почве ревности. Всплыла одна любопытная деталь: чиновник ваш поселился со своей сотрудницей в одном номере, хотя по документам и он был женат, и она замужем. В общем, Санта-Барбара по-нижегородски! А когда полиция опросила персонал «Золота партии», несколько человек рассказали, что этой «помощнице» за завтраком постоянно названивал по мобильному какой-то мужчина. Она не стеснялась громко выяснять с ним отношения при окружающих. У всех сложилось впечатление, что это был её муженёк. Он, якобы, грозился приехать, застукать её с любовником и наказать обоих. Во всяком случае, она

прилюдно кричала в трубку: «Привык жить за мой счёт, тряпка, а ещё угрожаешь! Вернусь – подам на развод!» Сейчас полиция отработывает эту версию – поехали к вам в Нижний опрашивать муженька: есть ли у него алиби на тот день?

– Скверно получилось, – покачал я головой. – Фестиваль запомнится в негативных тонах.

– Там не только это, – подхватила Васса, и я напрягся:

– А что ещё?

– Там ещё администратор гостиницы «Хитрово» куда-то пропала, – продолжила она. –

Вчера вечером полиция прислала нам объективку на сотрудницу отеля Эльвиру Улябину – просили крутить в теленовостях: «Пропала молодая женщина! Помогите найти!» Об исчезновении заявили её родители: в четверг ушла на работу, предупредила, что может задержаться на день-два, а не объявилась и в понедельник – ни дома, ни на работе. Сама не замужем, оставила бабке с дедом пятилетнюю дочку и – как в воду канула! Старики в панике.

Я сразу встрепенулся: «Вот оно! Вот оно! Значит, Эльвиру Улябину действительно убили, как рассказал Скромный, а труп её пока так и не нашли!»

– И как идут поиски? – стараясь скрыть охотничий азарт, спросил я.

– Как они могут идти, кода её только вчера вечером в розыск объявили? – совсем засыпая, ответила Васса. – У вас в Нижнем Новгороде, что – люди разве не пропадают?

– Ещё как пропадают, – согласился я. – Чуть ли не каждый день волонтеров собирают на поиски.

– То-то и оно, – кивнула Васса. – Может, загуляла девка. Нагуляется – через неделю объявится. Кто её будет сейчас особо искать? Тем более говорят, что у неё не впервой такие загулы.

– Так она сама ульяновская?

– Да. Там в объявлении о розыске указаны координаты её родителей. Так что, если и вправду интересно, расспросите лучше их. А я с ног валюсь после ночного дежурства, – Васса вырвала из блокнота листок с объявлением о розыске Улябиной и телефонами, протянула его мне и попрощалась: – Всё! Извините, больше не могу – засыпаю на ходу. Поеду домой. Адью!

Мы опять остались с Моргуновым вдвоём. По телевизору в кафе стали показывать утренний выпуск местных новостей.

– Интересная дама, – сказал я для поддержания разговора.

– Я же говорил: всё знает! В этой сфере Васька у нас лучше всех, – удовлетворённо заметил Михаил. – Помогла она тебе?

– Не то слово! Надо мне будет всё-таки съездить в это самое «Древо Хитрово» для полноты картины.

– Так поехали вместе! Мне сегодня тоже нужно туда, – неожиданно предложил мой приятель.

– Неудобно тебя напрягать. Я и так у тебя уже столько времени отнял!

– Да ты не понял, – махнул он рукой. – Мне сегодня нужно в «Хитрово» по работе. Я же тебе говорил, что со вчерашнего дня наш кино клуб начал ретроспективу фильмов режиссёров Балабанова и Масленникова. Часть мероприятий проходит в кинотеатрах города, а часть – на соседних площадках, где есть технические возможности для показа фильмов. Наш телеканал часто крутит рекламу отеля «Древо Хитрово», а они нам по бартеру предоставляют свой конференц-зал с экраном, когда он не задействован под другие мероприятия. Сегодня у нас там творческая встреча с актёрами, киноведами и критиками, так или иначе знавшими этих режиссёров или работавшими с ними. Кстати, будут и нижегородцы Георгий Молоканов и Саша Блудман. Они оба хорошо знали Балабанова, а Молоканов и вовсе одно время жил вместе с ним в одной комнате во ВГИКовской общаге на Галушкина – на 16-м этаже. Я их пригласил по старой памяти – они и приехали. Так что сможешь их увидеть.

– Здорово! – искренне обрадовался я, предвкушая встречу с известными земляками-киноманами, некогда бывшими корифеями нижегородского телевидения. – Как думаешь, места в той гостинице есть? Можно там заселиться?

– Конечно! – уверенно произнёс Михаил. – Отель огромный и почти всегда пустует. Раз в полгода, когда сумеют заманить к себе какое-нибудь масштабное мероприятие, типа всероссийской конференции, – тогда он бывает битком забит. А всё остальное время стоит полупустой, как сейчас. Там полно свободных номеров: я для Молоканова и Блудмана бронировал, так что знаю, о чём говорю!

– Тогда поехали, – согласился я.

В этот момент по теленовостям выскочила заставка «Требуется помощь! Пропала женщина двадцати двух лет – Эльвира Улябина». Во весь экран показали фотографию симпатичной худенькой девушки-брюнетки, как мне её и описывал Гоша Скромный, и контактные телефоны для информации о ней. Я быстро взял листочек, только что вырванный для меня из блокнота Вассой, сверил номера – они были одинаковыми.

Мне неожиданно пришла в голову мысль: а что, если попробовать связаться с родителями Эльвиры и получить какую-нибудь дополнительную информацию? Для меня оставалось загадкой: почему именно ей, а никому другому, доверил ключ от секретной лаборатории и приоткрыл тайны своих опытов неведомый учёный в «Древе Хитрово»? Я интуитивно цеплялся за любую нить для понимания логики его выбора.

– Едем прямо сейчас или ...? – спросил я Моргунова.

– Мы со съёмочной группой выдвигаемся туда часа через два. Надо будет заранее подготовить аппаратуру для кинопоказов и расставить камеры для съёмок, – ответил он. – Ты подождёшь нас или поедешь своим ходом?

– Пожалуй, подожду. Погода хорошая – прогуляюсь по городу.

– Вот и славно. Тогда подгребай к телецентру через пару часов, мы тебя захватим с собой. Не прощаюсь, – сказал Миша, хлопнув меня по плечу, и поспешил на работу.

Я заказал ещё чашечку кофе и, немного обдумав повод для предстоящего разговора, набрал указанный в объявлении о розыске Эльвиры Улябиной номер телефона её родственников.

Мне ответила женщина с низким грудным голосом. Я представился ей нижегородским журналистом, приехавшим в Ульяновск готовить статью об убийстве нашего чиновника во время журналистской конференции в «Древе Хитрово» и случайно узнавшим о постигшей семью Улябиных беде, и предложил помощь в размещении информации о пропавшей девушке на нижегородских интернет-ресурсах: «Вдруг из нашей делегации кто-то что-то мог видеть?»

– Спасибо, мы будем рады любой дополнительной помощи в поиске Элочки, – ответила женщина на другом конце трубки.

– Я сейчас нахожусь возле телецентра на Нариманова, – сказал я. – С вашего позволения, я попрошу у коллег фото Эльвиры, и мы продублируем его у себя в Нижнем. Или, как мы поступим?

– Не надо ничего просить, мы живём совсем рядом, – возбужденно ответила мне дама, – возле парка Нефтяников и Газовиков. Это всего несколько минут ходьбы от телецентра. Приходите, я дам вам несколько фотографий дочери на выбор, только помогите в распространении! Мы сейчас хватаемся за любую возможность! – я услышал, как она заплакала.

– Хорошо, называйте адрес.

Я записал его на листочке, спросил, расплачиваясь с официантом, как туда добраться. Действительно, оказалось недалеко – минут пятнадцать неспешным шагом.

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Дверь мне открыла приятная ухоженная дама лет пятидесяти пяти в алом с зелёной оторочкой шёлковым халате и с опухшим от слёз лицом.

Я повторил ей, что хочу помочь с распространением информации о пропавшей девушке и в Нижнем Новгороде, куда вернулась с конференции из Ульяновска делегация наших журналистов.

– Проходите, – кивнула она, впуская меня в квартиру. – Я дам вам несколько разных фотографий дочери или могу сбросить их на электронную почту, какую скажете.

– Сбросьте лучше сюда, – сказал я, протянув ей флэшку.

– Баба, кто пришёл? Мама вернулась? – протараторила выбежавшая из комнаты в прихожую девчушка лет пяти.

– Нет, мой цветочек, это дядя пришёл помочь найти твою маму, – ответила хозяйка квартиры. Девочка, грызя палец, с любопытством разглядывала меня.

– Иди, моя хорошая, поиграй с киской, а я дам дяде мамины фотографии, – продолжила женщина, приглашая меня пройти с ней к компьютеру.

Пока она сбрасывала фотографии на флэшку, я попытался расспросить её:

– В первый раз у вас такое?

– Что вы! – раздавленная неопределённостью сразу разоткровенничалась она. – Элочка у нас единственный и довольно поздний ребенок. Мы с мужем баловали её, потакали всем капризам. Мой муж – большой начальник на местном крупном предприятии. А я работаю в солидном банке. Давно себя виню, что в детстве уделяли дочери мало внимания. Откупались подарками да деньгами. Правда, образование старались дать ей хорошее – нанимали репетиторов, записывали в различные кружки. Но в старших классах у неё начались гулянки, появились взрослые парни, ночные клубы, совсем отбилась от рук... По малейшему поводу закатывала истерики!

– Переходный возраст, – понимающе вздохнул я.

– Да-да, трудный возраст, – благодарно закивала хозяйка и, потупившись, продолжила: – А в шестнадцать лет забеременела. Мы так и не выяснили от кого... Стыдно было людям в глаза смотреть... Родила, но ничего не изменилось – опять пошли рестораны, клубы. Внучку фактически мы с мужем воспитываем. А нас Эля и слушать не желает – сразу в крик! Только затеваем разговор, что надо дальше идти учиться или работать (муж хотел устроить её к себе на предприятие) – сразу машет руками, ругается на нас... Сами виноваты – так воспитали, – было видно, что эти признания давались женщине большой кровью.

Она достала ажурный платок из кармана халата, вытерла им свои красивые влажные глаза, всхлипнула и после небольшой паузы продолжила:

– С год назад наконец-то сумели её пристроить на нормальную работу через сестру мужа – Марию. Та, когда училась в Москве, вышла замуж за однокурсника-вьетнамца из высокопоставленной семьи, уехала жить туда. А года два назад они вложились здесь в гостиничный комплекс «Древо Хитрово» – имеют в нём долю. Вот мы и попросили устроить дочку на работу в этот большой отель. Её там сделали дежурным администратором. Элочке поначалу нравилось – кругом люди интересные, часто бывают иностранцы, и она вроде немного остепенилась. Но последние полгода опять стала частенько не приходиться ночевать. Но обычно ночь-две, а тут – как ушла в четверг, так вот уже и нет до вторника! – в голос зарыдала женщина.

– Бабушка, почему ты плачешь? – в комнату снова вбежала девчушка, прижимая к груди котёнка.

– Иди ко мне, девочка моя, я тебя обниму! – причитала плачущая женщина. – Вот, может, дядя поможет нам найти твою маму!

Она обхватила руками свою внучку, та заревела в голос, а вслед за ней истошно замыкал и котёнок оттого, что его слишком больно сжали.

Мне стало ужасно неловко: я вдруг отчётливо понял, что Эльвира до сих пор лежит зарезанной в той самой комнате в отеле «Древо Хитрово», о которой рассказывал мне Скромный, и домой она уже никогда живой не вернётся. Но я не мог честно сказать об этом её матери и дочке, а потому вынужден был утешительно мямлить:

– Да, конечно, мама обязательно найдётся и вернётся домой.

Я взял у женщины флэшку с фотографиями Эльвиры, пообещал по возвращении в Нижний подключить к поискам местные интернет-агентства, скромно попрощался и, стараясь не встречаться глазами с плачущими бабушкой, внучкой и котёнком, поспешно ретировался из горестной квартиры. В мозгу моём настойчиво пульсировали стихи Блока, «о том, что никто не придёт назад». Эта строчка свербила там острой занозой...

Возвращаясь к телецентру, откуда меня обещал забрать Моргунов, я собрался с мыслями и выстроил для себя логическую цепочку – почему неизвестный засекреченный учёный доверил уход за своей лабораторией в «Древе Хитрово» не кому-нибудь, а именно Эльвире.

Пазлы складывались: «Раз тётка Улябиной имеет свою долю в гостинице, значит, она наверняка в курсе всех секретов «Хитрово», – думал я. – И родственницу пристроила, и лишние глаза к учёному приклеила. Да только эти деятели не учли разбитной характер и жадность Эльвиры и то, что судьба зайдёт к ним в отель подарок в виде раздолбая Гоши Скромного».

КИНО, ВИНО И ОРХИДЕИ

С такими мыслями я вернулся к ульяновскому телецентру. Не успел закурить, как из дверей показался Михаил Моргунов:

– Ты уже здесь? Я как раз собирался тебе звонить. Мы выдвигаемся, ты с нами?

– Да, – ответил я, – как договаривались.

К нам подрулил «уазик»-«буханка», в нём уже сидели несколько человек из съёмочной группы. Мы тоже втиснулись в машину – и вот уже едем в гостиничный комплекс «Древо Хитрово».

По дороге мой приятель стал проговаривать с коллегами план их работы на сегодня. Начать ретроспективу они намеревались с показа и обсуждения с киноведами фильма «Собака Баскервилей» режиссёра Игоря Масленникова. После этого – просмотр «Жмурок» Алексея Балабанова и творческая встреча с его сокурсниками по экспериментальной мастерской «Авторское кино» высших курсов сценаристов и режиссёров Георгием Молокановым и Сашей Блудманом.

– Мишель, – по-дружески обратился я к Моргунову, пока мы ехали в «Хитрово», – странный коктейль у вас получается. Лично я не вижу никакой связи между этими фильмами, кроме той, что в обеих картинах играет Никита Михалков: сэра Генри Баскервиля у Масленникова и криминального авторитета Михалыча в «Жмурках».

– А и не надо искать никакой связи, – пожал плечами Михаил. – Мы предварительно набросали список известных отечественных и зарубежных режиссёров и периодически проводим мероприятия киноклуба с показами их картин попарно. Сегодня просто так совпало. Хотя, про Михалкова-то я и не подумал! Впрочем, даже если бы мы его пригласили, всё равно бы Никита Сергеич не приехал: не его уровень, он всё больше по фестивалям да кинопремиям.

– Всё равно странный у вас получился дуэт режиссёров.

Мишка наклонился ко мне и сказал вполголоса:

– Дружище, в чём-то ты, конечно, прав. У меня как киномана родом из Нижнего были свои заморочки объединить этих режиссёров в один показ. Всё очень просто: Игорь Фёдорович Масленников – наш земляк, тоже родился в Нижнем Новгороде, его дед был мастером паровозного цеха на «Красном Сормове», отец на том же заводе работал инженером. Это уже потом их семья переехала в Колпино под Ленинград. А Балабанов в своё время заканчивал переводческий факультет Горьковского пединститута иностранных языков. Да и «Жмурки» он снимал именно в Нижнем!

– Ну, это ты мне не рассказывай, – тут же откликнулся я. – Перед съёмками «Жмурок» друг Балабанова Молоканов предлагал мне сдать киношникам на время съёмок мою квартиру с видом на Стрелку. У меня вид с балкона прямо на слияние Волги и Оки, а им это было нужно по сюжету.

– А ты что? – спросил Михаил.

– А что я? Они предложили за это всего пару-тройку тысяч долларов. Я прикинул – после их съёмок эти деньги уйдут только на ремонт. И отказался. Но желающие быстро нашлись: в соседнем доме согласился директор музея фотографии. В его квартире как раз и сняли сцену убийства продажного мента, которого играл Сухоруков. Квартиру всю обшарпали, так что, думаю, правильно я отказался – от этих киношников один геморрой да потом ещё с ремонтом хлопот не оберёшься.

– А по мне – зря ты отказался, – скривил губы мой приятель. – Мог бы войти в историю кинематографа, а так – упустил свой шанс. Сейчас бы имел полное право выступить в нашем киноклубе.

– Там и без меня будет кому выступить, – парировал я. – Кстати, совсем недавно в нашем доме опять искали квартиру – для съёмки фильма «Я худею». В итоге соседка с восьмого этажа Анжелика Романютенко сдала им свою трёхкомнатную. Киношники у неё всю лоджию разворотили, стены в голубой цвет перекрасили. Правда, за эти хлопоты бонусом сняли её в эпизоде. Так что теперь она практически кинозвезда.

– Наш человек! – одобрительно кивнул Моргунов.

– Это камень в мой огород? – наигранно обиделся я.

Так за разговорами мы и не заметили, как доехали до комплекса «Древо Хитрово».

Выйдя из «уазика», я увидел перед собой, как и описывал Гоша Скромный, внушительный фасад из стекла и бетона с мозаично рассыпанными вкраплениями деревянных панелей. Вправо и влево от главного здания, словно щупальца гигантского спрута, ветвились, убегая в даль, многочисленные корпуса разной длины и этажности.

Перед входом в отель были вывешены два плаката: первый приглашал на выставку местной ассоциации любителей орхидей, второй – на ретроспективу фильмов режиссёров Игоря Масленникова и Алексея Балабанова.

Мои спутники выгрузили из «буханки» свою внушительную аппаратуру и, обвесившись ею, двинулись напрямиком в гостиницу. Я шёл следом за ними.

Михаил поздоровался с персоналом «Древа Хитрово» как с давними знакомыми, быстро обговорил с ними рабочие вопросы проведения сегодняшнего мероприятия в кинозале, после чего бросил мне:

– Ты пока размещайся – мест свободных полно. Вечером обязательно приходи на кинопоказы: подъедут Блудман с Молокановым. Посидим, поболтаем. Ну, а мы пошли работать: нужно всё подготовить, технику настроить.

Гремя штативами, камерами и кофрами, они шумно двинулись внутрь гостиницы готовить свои кинопоказы. Я же подошёл к стойке ресепшн с просьбой заселить меня на пару дней («этого за глаза хватит») в одноместный номер.

Пока миловидная блондинка в очках заносила данные моего паспорта в компьютер, я подумал: а не попросить ли мне номер в дальнем конце отеля, ближе к той самой секретной лаборатории, где таинственный учёный создаёт своих кукол-биороботов? Однако, меня смущало то, что там наверняка до сих пор лежит и разлагается труп Эльвиры Улябиной. В самый разгар моих колебаний девушка протянула мне документы и ключ от номера, сказав, что он совсем рядом – по главному коридору второй поворот налево.

«Ну, и хорошо, – решил я, – размещусь недалеко от выхода. А до лаборатории учёного доберусь ближе к ночи, когда в гостинице всё утихнет».

Мой путь от ресепшн неожиданно пересекла группа щебечущих дам, окруживших импозантного мужчину с ярко жёлтым шарфом на шее и в костюме тропической раскраски: его пиджак украшали алые и зелёные попугаи в обрамлении пальм и экзотических цветов, на брюках пылали лимоны, бананы, клубника и ананасы. Вся эта делегация чуть не сбила меня с ног, и по их возбуждённым репликам я понял, что люди идут с научного семинара «Охрана и культивирование орхидей» смотреть выставку цветов.

Действительно, направо за стеклянной стеной я увидел большое количество стендов и стеллажей, сплошь заставленных экзотическими цветами. Я проскользнул за ними в этот выставочный зал. Радости и изумлению моим не было предела – в такую красоту я попал!

Пока нарядный мужчина рассказывал очарованным дамам о своих впечатлениях от знаменитой Тайваньской международной выставки орхидей, откуда он только что вернулся, я с упоением окунаясь в созерцание диковинных цветов. В просторном зале, нашпигованном различными кондиционерами, лампами, увлажнителями и конвекторами, передо мной раскинулся райский сад удивительных растений. Здесь было множество разнообразных одонто-

глоссумов, анектохилусов, фаленописисов, мильтоний, но как только я увидел свои любимые пафиопедилумы или Венерины башмачки – сразу бросился к ним. С восторгом разглядывая башмачки Валлиса и сравнивая их с расположенными рядом камчатскими – Циприпедиум Ятабе, я вдруг к своему неудовольствию услышал, как расписной мужчина объясняет посетительницам орхидей, что главной достопримечательностью этой выставки является фаленописис Black Pearl, выведенный путём селекционной работы в Калифорнии и являющийся ныне суперпопулярным среди голливудских звёзд. Мол, этот цветок впервые привезли в Ульяновск – спешите лицезреть и наслаждаться!

Я тоже подошёл полюбоваться этим цветком, но он не впечатлил меня сильнее моих любимых Венериных башмачков, а его траурная раскраска вернула меня к мыслям об убитой Эльвире Улябиной, труп которой всё ещё разлагался где-то в отдалённых закоулках «Древа Хитрово». Я моментально вспомнил, что приехал сюда по делам, представил, как весь на нервах ждёт от меня новостей прячущийся в моей нижегородской квартире Игорь Скромный, и поспешил ретироваться из райского сада, оставив в нём цветастого ботаника с его чирикающей стаей.

Свой номер я отыскал довольно быстро, и он приятно удивил меня. Я сразу понял, какое сходство связывает «Древо Хитрово» с Безумным домом во вьетнамском Далате: комната была обставлена словно тропическая хижина – оклеена обоями из бамбука, вся мебель – исключительно из ротанга. Над кроватью раскинут антимоскитный балдахин, стены увешаны яркими тропическими пейзажами: белоснежные пляжи с пальмами где-то на берегах Южно-Китайского моря, выползающие из рек в джунглях аллигаторы, рыбаки в круглых вьетнамских лодках-корзинах и в конических шляпах «нон-ла». На одной из картин отчего-то в таких же конических шляпах были изображены и Владимир Ильич Ленин с детьми. Конечно же, это был Хо Ши Мин!

Меня поразил и туалет, совмещённый с ванной комнатой: потолок в этом помещении был полностью стеклянным и прозрачным с открывающейся широкой секцией. Создавалась полнейшая иллюзия, что выходишь справить нужду или принять душ во двор под открытое небо. Другое дело, что синь наших российских небес многократно уступает тропическим в яркости красок... Но проверив на практике работу унитаза и ванны, я в полной мере оценил замысел архитектора: это было по-настоящему благодатно и романтично!

Придя в благостное расположение духа, я достал из бара пару шкаликов коньяка, с превеликим удовольствием их выпил с устатку после ночной дороги и треволнений первой половины дня, закусил сладостями из холодильника и, растянувшись на кровати под москитным пологом, погрузился в сладкий тропический сон.

...

Проснувшись, я посмотрел на часы и увидел, что мой послеобеденный отдых растянулся почти на четыре часа. Умываясь под уже слегка вечеряющим небом, я вспомнил о главной цели своей поездки: проверить помещение, где Игорь Скромный оставил труп Эльвиры Улябиной, убедиться, что тело её всё ещё там и моего приятеля никто не разыскивает. Я проверил в кармане переданный мне Гошей ключ от той комнаты и вышел из номера.

В главном и бесконечном как шоссе коридоре-стволе «Древа Хитрово» я обнаружил, что в отеле в этот час довольно многолюдно: навстречу мне то и дело попадались горничные, чаще – азиатской внешности, да и постояльцев было немало. Так что идти осматривать описанное Скромным место преступления сейчас было не резон.

Тут я вспомнил, что мой приятель Миша Моргунов приглашал меня этим вечером на организованную местным киноklubом ретроспективу фильмов Масленникова и Балабанова, где должны были выступить нижегородские киноведы Молоканов и Блудман. Чтобы убить время, я было направился в кинозал. Но по дороге, ощутив, что изрядно проголодался, решил

зайти в ресторан. Проходя мимо выставки орхидей, остановился, чтобы ещё раз полюбоваться экзотическими цветами, и только потом не спеша отправился поужинать.

В ресторане рядом со мной за сдвинутыми столиками расположилась та самая весёлая щебечущая стая во главе со своим вожаком в цветастом пиджаке, которых я встретил днём при заселении в отель. Из их шумного гвалта я понял, что они уже вернулись с просмотра двух серий «Собаки Баскервилей» и, отужинав, собираются пойти досматривать «Жмурки». Мужчина в ярком костюме, энергично жестикулируя, так возбуждённо рассказывал о чём-то своим многочисленным спутницам, что, казалось, попугаи с его пиджака вот-вот соскочат и улетят обратно к себе в джунгли.

Я прислушался: оказалось – они обсуждают сцену из фильма, когда доктор Ватсон в исполнении Виталия Соломина и сэр Генри Баскервиль, сыгранный Никитой Михалковым, после званого вечера в честь прибытия в Баскервиль-Холл в комедийном ключе обсуждают произошедшее накануне в окрестностях Гримпенской трясины знакомство Ватсона с Бэрил Стэплтон. Оба джентльмена успели уже изрядно набраться к тому моменту, когда Ватсон обмолвился о встрече с вышеупомянутой девицей. Сэру Генри, влюблённому в Бэрил, оставалось только завидовать счастливицу-доктору, и потому он продолжал настойчиво расспрашивать, что ещё сказала ему при встрече эта красотка.

«Она сказала, что ещё рано любоваться красотами болота...ми, – отвечал, икая, доктор. – Орхидеи ещё не зацвели». – «Нет, а мне интересно, что она ещё сказала про орхидеи?» – дыша на Ватсона винными парами, не унимался сэр Генри. Ему были интересны про Бэрил любые подробности. Титаническим усилием приняв более-менее сидячее положение, доктор свесился с резной спинки кровати и пытался вспомнить, что ещё она говорила про красоты болот. Вспомнив, он кивнул и глубокомысленно заявил: «Они еще не зацвели», – после чего махнул рукой в сторону, как ему казалось, торфяных топей Дартмура и, пожал плечами, окончательно повис на спинке кровати в ожидании продолжения разговора. «А орхидеи ещё не зацвели... – повторил за Ватсоном сэр Генри и резким движением развернулся к другу. – Что бы это значило?» Выслушав адресованный ему вопрос, доктор наморщил лоб, пытаясь выстроить логическую цепочку либо уловить какой-нибудь мистический подтекст в словах мисс Стэплтон. Наконец, многозначительно подняв к потолку указательный палец и снисходительно пожал плечами, он произнёс: «Не зацвели, и всё». Что означало – смысл слов Бэрил об орхидеях для двух подвыпивших джентльменов так и остался неразгаданным.

Мои соседи по ресторану с таким восторгом обсуждали эту сцену из фильма, словно она была для них культовой. Впрочем, орхидеисты – народ особый. Не даром у них в ходу поговорки: «любой, посягнувший на орхидеи, – кандидат в чучело» или – «уходя на собрание любителей орхидей, позаботься об алиби».

Как только шумная компания дружно поднялась из-за стола и вновь направилась к кинозалу, я, спешно расплатившись, поспешил за ними.

Кинопоказ «Жмурок» к этому времени уже заканчивался: минут через двадцать в зале включили свет и объявили заключительную дискуссию по итогам сегодняшних ретроспектив. В проходах появились операторы с видеокамерами, на сцену вышли импозантный Георгий Молоканов в шикарном сером костюме и чёрной бабочке в белый горошек и Саша Блудман в телесного цвета трико и футболке с надписью «Навальный». Они стали рассказывать о совместной учёбе с Балабановым в экспериментальной мастерской Льва Николаева, трактовке режиссёром задач киноискусства и о своём сотрудничестве с ним в ряде проектов.

Я со скачающим видом оглядывал зал. Помимо уже описанного мною орхидеиста в тропическом наряде из общей массы зрителей бросался в глаза ещё один персонаж – помпезного вида мужчина, одетый в блестящий золочёный костюм эстрадного покроя, с золотой цепью на груди и перстнями чуть ли не на каждом пальце. «Уж не Брильянов ли?» – невольно подумал я, сравнивая его с описанным Гошей Скромным владельцем куклы Водяновой. Рядом с ним

сидел солидный мэн в винтажного стиля одежде фисташково-фиалковых оттенков. Они о чём-то оживлённо беседовали.

В зале же дискуссия текла монотонно до тех пор, пока к свободному микрофону не вышел в своём попугайно-фруктовом одеянии местный вождь любителей орхидей. Он сразу заклокотал по-птичьи крикливо, заставив публику очнуться от полудрёмы:

– Ваши «Жмурки» проповедуют культ бандитизма и насилия! Его герои – мафиози, наркоманы и бандиты! Фильм – сплошная «чернуха», и юмор его – быдло-чернушный! А кино Масленникова проникнуто тонким английским юмором. Взять хотя бы ту же сцену диалога Соломина с Михалковым об орхидеях...

И он снова с упоением и до мельчайших подробностей пересказал сцену из фильма, коей их компания так восторгалась, ужиная рядом со мной в ресторане.

– Как по-актёрски глубоко и тонко сыграл в том эпизоде Никита Сергеевич Михалков! И какую примитивную роль на протяжении всего фильма отвёл ему режиссёр в «Жмурках»! – от души возмущался орхидеист.

– Но всё же зависит от сценария, – пытался возражать Молоканов, слегка картавя.

– Вот именно, – поддакнул Блудман. – В детективную историю Конан Дойля английский юмор вплетается легко и органично. А какого тонкого юмора вы ждёте в фильме о лихих девяностых? Там место исключительно чёрному юмору!

– То-то и оно, что всё зависит от режиссёра! – заломив рукава, воскликнул тропический пиджак. – Масленников в банальный диалог сумел ввести не только тонкий английский юмор, но и связанную с цветами глубинную восточную философию. Помните, как у средневекового корейского поэта Со Годжона – его «Вешний день»?

Молоканов с Блудманом переглянулись, и было видно, что они не помнили.

– А я вам напомню! Наизусть процитирую! – не унимался орхидеист и начал декламировать, надо отдать ему должное, с неподражаемым артистизмом:

Струится золото плакучих ив,

яшму роняет слива.

Талые воды синеют в пруду,

мхом окаймлён пруд.

Вешние чувства трудно понять –

и радостно, и тоскливо.

А ведь ласточек нет ещё,

и цветы ещё не цветут.

– Понимаете, о чём это? – продолжил он после небольшой паузы, в полной мере насладившись эффектом, произведённым на окружающих своим чтением стихов. – Чувствуете двуслойность этих строк? Вроде бы всё просто: поэт рисует нам картину ранней весны, когда всё только ещё начинает расцветать. Казалось бы, живи и радуйся – вся весна впереди! Ещё даже ласточки не прилетели, и цветы не расцвели! Но в этих строках поэт сумел шедевральным образом выразить и соединить восхищение чудом пробуждения природы и одновременно острую печаль. Образно говоря – нектар и горечь весны в одном флаконе! Поэту уже в самом начале весны тоскливо, потому что он знает: вся эта красота преходяща, брэнна, она скоро пройдёт, как и сама наша жизнь. Отсюда и вселенская грусть-тоска-печаль! Такие глубокие мысли у зрителя рождает простейший диалог в фильме Масленникова! – на высокой ноте резюмировал оратор в пиджаке с попугаями. – А ваши «Жмурки» – это кино для тупых: никаких глубоких мыслей оно не рождает!

– Фильмы разные нужны. На вкус на цвет образца нет, – промямлил в ответ на эту тираду Блудман. – Как говаривал Козьма Петрович Прутков, «кому и горький хрен – малина, кому и бланманже – полынь».

– Нет, Саша, – начал заводиться Молоканов. – Здесь нам товарищ рассказывал не про малину! И не про полынь! Наш «уважаемый» оппонент возбудился от диалога про орхидеи, с ходу с непонятого рожна перебросил мостки к глубинам восточной философии, а в своём примере со стихами какого-то там Со Гондона...

– Не оскорбляйте великого поэта! – в ярости вскричал орхидеист. – Его звали Со Годжон – это классик средневековой корейской литературы!

– Хорошо, Годжона, – нехотя согласился Молоканов. – Так вот, в его стихах наш оппонент перечислил и сливы, и ивы, а сами орхидеи упомянуть так и не удосужился. Это неудачный пример, батенька! Он только подчёркивает невысокий уровень вашей аргументации. Раз уж вы тут рискнули выпендриваться перед всеми нами своими познаниями в восточной поэзии, я вам отвечу стихами танского поэта седьмого века Чэнь Цзы-ана, являвшего собой пример гармонии жизни и творчества:

Когда б и летом, и зимой *орхидеи* всходили,
Едва ль бы нам их красота столь чаровала взоры.
Цветенье пышных *орхидей* всё в лесу затмевает,
На фиолетовых стеблях красные листья никнут.
Медленно-медленно ползёт в сумрак бледное солнце,
Гибко, едва коснувшись земли, взвился осенний ветер.
В расцвете лет – уже конец трепета, опаданья...
Прекрасным замыслам когда ж можно осуществиться?

– видите, мой пёстрый друг, – самодовольно улыбаясь, артистически витийствовал Молоканов, – в этих стихах тоже имеет место быть «в расцвете лет опаданье». Но плюс к этому для пушей иллюстрации мысли два раза присутствуют и сами орхидеи. Ну что, уел я вас? – глумливо глядя на оппонента словно на неудачливого выскочку, завершил свой спич оратор в бабочке в горошек.

– Так и про полынь я тоже не случайно упомянул, – подмигнув Молоканову, подхватил Блудман. – Недаром же в девятом веке великий китайский поэт Бо Цзюй-и написал стихи «Спрашиваю у друга»:

Посадил *орхидею*, но полыни я не сажал.
Родилась *орхидея*, рядом с ней родилась полынь.
Неокрепшие корни так сплелись, что вместе растут.
Вот и стебли, и листья появились уже на свет.
И душистые стебли, и пахучей травы листы
С каждым днём, с каждой ночью набираются больше сил.
Мне бы выполоть зелье, – *орхидею* боюсь задеть.
Мне б полить *орхидею*, – напоить я боюсь полынь.
Так мою *орхидею* не могу я полить водой.
Так траву эту злую не могу я выдернуть вон.
Я в раздумье: мне трудно одному решенье найти.
Ты не знаешь ли, друг мой, как в несчастье моём мне быть?

– А я отвечу тебе, мой дорогой друг, что знаю! – повернувшись к Блудману, воскликнул Молоканов, входя в раж. – И дабы дражайшие орхидеисты смогли оценить всю глубину и тон-

кость нашего с тобой диалога, ответу стихами одного из Семи мудрецов бамбуковой рощи – поэта-философа Цзи Кана:

Ночью глубокой пустынно и чисто,
Ярко луна осветила террасу.
Ветер чуть-чуть шевелит мне одежду,
Полог простой высоко подобран.
Кубок наполнен вином превосходным,
Только мне не с кем делить мою радость.
Взор подымаю, тоскую о друге,
Благоуханном, как цвет *орхидеи*...
Нет человека прекрасного рядом –
Разве же можно теперь не вздыхать мне?

Молоканов победоносно посмотрел на орхидеиста, заранее предчувствуя свой триумф и ожидая оваций публики, но человек в цветастом пиджаке отнюдь не выглядел раздавленным:

– Вы что же думаете: разыграв здесь комедию, уйдете от существования вопроса, забив здесь всех своей эрудицией? – спокойно ответил он. – Не на того напали: я к вашему сведению – доктор филологических наук и только по совместительству любитель орхидей. И если уж вам так требуется, чтобы в стихах о весне обязательно присутствовали орхидеи, так пожалуйста: крупный танский поэт рубежа восьмого-девятого веков Лю Юй-си – стихотворение «Провожая весну»:

Ведь вчера ещё только взошёл на башню, поздравляя весну с приходом,
А сегодня поднялся на башню снова, чтобы с ней уже попрощаться...
И цветы *орхидей* в увядшем уборе сбережённой росой плачут.
Ивы длинными рукавами веток налетевшему ветру машут.
И красавица в гладком зеркале видит, как лицо её изменилось.
Чуский гость у речного берега знает, что надежды его напрасны...
И за десять тысяч веков и донныне одинаковы те печали.
Остаётся вином допьяна напиться и забыть обо всём на свете.

После этого вся многочисленная женская свита вожака орхидеистов взорвалась диким одобрительным воплем и шквалом аплодисментов, переходящим в овации. Теперь уже Георгий Молоканов чувствовал себя уязвлённым, от досады закусив губу.

Саша Блудман, чтобы как-то поддержать друга и попытаться привлечь на свою сторону женскую группу поддержки оппонента, шевеля пышными усами примирительно произнёс:

– Тогда к месту вспомнить и стихи «Восходит солнце на юго-востоке...» знаменитого пейзажного лирика пятого века Се Лин-юня:

Болянская башня – как шапка над южной горой,
Коричный дворец за источником северным скрыт.
Под утренним ветром колышется полог ночной,
Рассветное солнце на рамах узорных блеснит.
Красавица-дева за ширмой очнулась от сна –
Цветок *орхидеи*, прекрасная яшма на ней.
Свежа и прелестна, как осенью ранней сосна,
Чиста она, словно сияние внешних лучей.

– Да-да, Коричный дворец, – промолвил, приходя в себя после предыдущего словесного нокдауна от орхидеистов, Георгий Молоканов и несколько потерянно добавил: – Вот ещё Ду Му, последний по времени крупный поэт эпохи Тан, тоже писал:

Минувшей ночью звёзды видал и слышал, как ветер выл
К закату – возле Коричных палат, к восходу – возле Речных.
Часы истекли; пробил барабан; увы, на службу пора.
Везёт меня конь в дворец *Орхидей* – качусь, как в степи трава.

Тут на сцену из-за кулис словно от чьего-то смачного пендаля вылетел Мишка Моргунов, бешено размахивая над головой руками:

– Уважаемые гости! Давайте не будем превращать наш кино клуб в вечер поэзии!

Женщины в первых рядах у сцены в этот момент оживлённо захихикали и зашушукались.

– Мы приглашали на нашу ретроспективу поклонников кино, – продолжил он уже более спокойно. – А у любителей орхидей сегодня свои выставки и семинары, которые должны проходить отдельно от нас. Поэтому я попросил бы не комкать наш сценарий!

На этих словах с кресла неожиданно поднялся тот самый солидный мужчина в винтажной одежде, что сидел рядом с предполагаемым Брильяновым:

– Я с вами категорически не согласен, товарищ! – с места громко сказал он Моргунову и по-хозяйски направился к микрофону, на ходу обращаясь уже ко всей публике: – Для начала я представлюсь: меня зовут Иван Лыкич Минов, я владелец этого гостиничного комплекса «Древо Хитрово».

Пока он шёл через зал, я успел разгадать причину женского оживления в первых рядах. Посмотрев на Моргунова, я заметил, что в лучах направленного на сцену света в его одеянии что-то ярко блестит. Приглядевшись пристальнее, я обнаружил, что источник блеска – в его незастёгнутой ширинке: товарищ умудрился выбежать на сцену с открытой молнией в джинсах, и теперь на фоне тёмных штанов его блестящее серебристое нижнее бельё сверкало на весь зал точно алмаз из навозной кучи. Уже второй раз за день из глубин моего сознания настойчиво всплывали хрестоматийные строки Блока:

...И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

Несмотря на то что Мишка был одет не в платье, да и луч сиял у него в более интимном месте, назойливые ассоциации с Блоком всё равно стали меня тревожить.

Чтобы как-то исправить конфуз, для привлечения к себе внимания я привстал с места и помахал Моргунову рукой. Он смотрел в зал против света, но тем не менее заметил меня и заулыбался. Я пытался показать ему движениями руки на уровне паха – мол, застегнись! Он ответил мне и вовсе непристойным жестом. Эти наши пантомимы были прерваны подошедшим к микрофону хозяином отеля:

– Друзья! – энергично обратился Иван Лыкич ко всем присутствующим. – Это же здорово, что обычный вечер любителей кино превратился у нас в поэтический диспут, объединив почитателей разных жанров искусства! Политика нашего комплекса «Древо Хитрово» такова, что мы стремимся стать одной из ведущих культурных площадок города и готовы предоставить свои залы и сцены для всех инициативных и неравнодушных людей! Пора уже переходить от проведения отдельных показов фильмов к полноценным кинофестивалям и от локальных выставок орхидей – к международным ярмаркам цветов! Двери наши открыты для всех! Прошу вас передать это всем вашим сподвижникам в других городах: мы готовы принимать

у себя самые различные мероприятия с привлечением практически неограниченного количества гостей! А сегодняшний вечер предлагаю считать первой ласточкой будущего большого фестиваля поэзии, который мы с вашим участием и при поддержке властей города, если вы эту инициативу доведёте до них через телевидение, – он кивнул в сторону телекамер, – сможем организовать на ульяновской земле!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.